

Н. А. Добролюбов

Избранные письма

Н. А. Добролюбов. Русские классики. *Избранные литературно-критические статьи.*

Издание подготовил Ю. Г. Оксман.

Серия "Литературные памятники"

М., "Наука", 1970

[OCR Бычков М. Н.](#)

1. Н. П. ТУРЧАНИНОВУ

1 авг<уста> 1856. <СПб.>

Мы так долго ждали письма от тебя, мой милый Николай Петрович, что оно пришло наконец совершенно неожиданно. Можешь представить, как обрадовался ему я, и не один я: все наши друзья, существования которых ты не подозревал в институте, тоже участвовали в этой радости. Миша, Львов, Буренин, Сциборский -- все это было и есть в Главн. педаг. <институте>, и все это слушало с видимым восхищением чтение твоего письма¹. Старшие и младшие учителя² смотрели на нашу радость при этом случае с каким-то робким изумлением, не понимая, как наши серьезные или зло-насмешливые физиономии могли вдруг принять выражение такого добродушного, детского веселья и сердечного участия. Это изумление превратилось, конечно, в некоторого рода ужас, когда мы стали потом толковать о la comtesse³, причем я рассказал о том, что он приходит в благоговейный восторг и проливает обильные источники слез, говоря о величии и славе России под благословенным правлением дома Романовых (сведение это сообщено мне Н<иколаем> Гавриловичем). Но -- черт с ними -- с контессами и старшими учителями; у меня есть новости гораздо интереснее их. Только не ленись читать. Все они относятся к Гл. пед. <институту>.

В "Современнике" пропущена уже статейка о нашем последнем акте, наполненная самыми злокачественными выписками из него⁴. Написана она в таком духе, как, напр., статья о стих. Растопчиной⁵, и, разумеется, Бекетов ее не понял⁶. Но Некрасов, боясь все-таки, что Давыдов будет жаловаться⁷, спросил разрешения у Щербатова; тот сказал очень просто: да помилюйте, в чем же вы затрудняетесь? Печатайте смело... ведь это же известный негодяй⁸... Кому из своих приятелей обязан Ванька этой рецензией, тебе, конечно, не нужно говорить.

Между тем случилось и другое событие. Кто-то из бывшего пятого курса настроил письмо к министру об институтской администрации⁹. Письмо это послано было в министерство; там его распечатал дежурный чиновник, потом оно перешло -- по инстанциям, к столоначальнику, начальнику отделения, директору департамента и пр. Наконец дошло оно до Авраама Сергеевича¹⁰, который, конечно, не знал, что ему сделать в этом случае и решился -- посоветоваться об этом с Давыдовым, вследствие чего и переслал ему письмо. Ванька созвал инспектора, Андрюшку и эконома¹¹, и тут началось чтение, при к<ото>ром повторилась, говорят, сцена, завершающая "Ревизора", так как в письме всем досталось. Ваньке, впрочем, судя по рассказам читавших письмо, должно быть всех меньше; инспект. назван пешкой, Андрюшка -- хвостом директорским, эконом -- подлецом, каких свет не производил. Разумеется, Ваньке не трудно было оправдаться против письма, написанного в подобном духе, и в заключение этого дела Авр<аам> Серг<еич>, говорят, расцеловал его. Но по городу начали носиться смутные слухи о ревизии в Гл<авном> пед<агогическом>. Эконом зазывал пятый курс к себе и поил вином Чистякова, Сведенцова, Феоктистова и др. (названных я сам видел пьющими с экономом, возле его квартиры, под арками).

Между тем случилось другое обстоятельство, которое я хотел бы тебе передать достойным образом, но чувствую, что перо мое слишком слабо для этого. Попытаюсь на простой летописный рассказ. В конце июня послано было кем-то письмо к Краевскому, в котором просили его напечатать в "СПб. вед." объявление, что дир. Гл. пед. ин., член ком. и пр. и пр. Иван Давыдов, в ночь с 24 на 25-е июня высечен